

Конечно, сегодня Мужун Чжи уже не обязан баловать его как раньше, и нормально, что не взял серебра. Тем более, перед выходом именно Се Люй хвастался, говоря:

— Все, что понравится, куплю тебе.

К сожалению, произнося эти слова, великий генерал Се Люй совершенно забыл факт, что его дом был конфискован. Он уже не был тем, у кого в карманах всегда были деньги, и даже без денег, полагаясь лишь на свое лицо, мог в любом месте столицы брать в долг.

Здесь же, далеко от императора и двора, никто не узнает полумертвого, болезненного великого генерала Чжэньюань. И в этом чертовом месте, если нет серебра — ты беден и ничего не купишь.

— Н-не могу купить. Все мое состояние осталось... полтора ляна.

Мужун Чжи по-прежнему стоял ошеломленно, явно не представляя, сколько это — «полтора ляна».

— Это... если вычесть те закуски, что купили раньше, как раз хватит на одного жареного гуся и несколько кунжутных лепешек, — чуть не плача, спросил Се Люй у хозяина. — Этот колокольчик... можно продать за полтора ляна со скидкой?

— Господин шутите, себестоимости не хватит! Золотой же! Послушайте! — Он снова потряс колокольчик. — Чистого золота!

Се Люю казалось, что вся накопленная за жизнь репутация разбита сегодняшней жестокой реальностью.

— Пошли! Не смотри... — Пришлось, понурый, увести Мужун Чжи, который раз за разом оглядывался на тот колокольчик.

В итоге на полтора ляна купили жареного гуся, десять сладких кунжутных лепешек. На оставшуюся мелочь набрали много редьки, лука-батуна, капусты и тому подобного. Это было очень дешево, целых два больших мешка.

После этих покупок в карманах великого генерала Чжэньюань стало пусто, не осталось ни монеты.

На обратном пути, проходя мимо продавца колокольчиков, Мужун Чжи снова с неохотой посмотрел. Бессовестный хозяин лениво поднял тот колокольчик, позвякивая им: динь-динь, динь-динь.

Высокомерное сердце Се Люя разбилось на осколки. Великий генерал Чжэньюань, дошёл до такой бедности, что у него не нашлось денег даже на маленький колокольчик для А-Чжи! Как же с этим смириться!

— Потом я обязательно достану тебе получше. Запомни!

— Что?

— Колокольчик лучше того! Такого, какого ни у кого нет! Я обязательно достану тебе такой поиграть! Хм! Разве это золото? Нам оно и не нужно, правда?!

* * *

— Се Люй, это все неси ты.

С базара, по безлюдной горной тропинке, направляясь к Снежной горе, пройдя примерно половину пути, Мужун Чжи вдруг сказал.

— Я не могу больше терпеть, боюсь, придется... сначала вернуться.

— Эй? Подожди!

Се Люй схватил Мужун Чжи за руку и только тогда обнаружил, что его ладонь ледяная. Взглянув, с ужасом увидел, что тыльная сторона руки Мужун Чжи вся покрыта сине-фиолетовыми пятнами. Закатав его рукав, увидел повсюду кровоподтеки, а в некоторых местах кожа уже изъязвилась и сочилась кровью.

— Как так... Мы же всего лишь столько погуляли? Раньше с тобой такого не было!

Мужун Чжи ничего не объясняя, швырнул покупки в объятия Се Люя, а сам с помощью легкого шага умчался, поднимая пыль.

Когда Се Люй, нагруженный большими и малыми свертками, добрался до ворот дворца, разъяренный Е Пу, скрестив руки, с гневом поджидал его.

— Зачем ты обманом заставил учителя спуститься с горы с тобой?! Ты же прекрасно знаешь, что его тело не может покидать эту Снежную гору, зачем же ты, ты настаивал на этом?

— Всего... всего лишь около двух часов мы были внизу, — смущенно пробормотал Се Люй. — Я, я тоже не думал, что за такое короткое время он вдруг...

— Короткое? Два часа — это коротко?! Такое яркое солнце, ты знаешь, как больно его лучи жгут тело учителя? — Е Пу схватил Се Люя за воротник, с ненавистью сказав. — Сам своевольничаешь, но тащишь за собой учителя, ты внизу пировал и веселился, а думал ли ты, сколько страданий из-за твоего минутного удовольствия придется вынести учителя? Знаешь ли, как болит, когда все тело в кровоподтеках? Знаешь ли, как долго учителю придется восстанавливаться?

— Тогда он, он сейчас все еще в том Пруду красных снадобий? Я... пойду навещу его!

— Не притворяйся добрым! Я не позволю тебе снова видеть учителя!

Ты сказал «не позволю», значит, и не позволишь? Но твое слово ничего не значит.

Се Люй полностью проигнорировал сопротивление Е Пу, одним движением легко опрокинув юношу на землю, а затем со скоростью Поступи по снегу без следа помчался к Пруду красных снадобий в задней горе.

...

Черные длинные волосы Мужун Чжи рассыпались у края пруда, все тело было погружено в светло-красную воду пруда, выглядело, как будто он лежал в бледной крови. Он крепко сжал губы, закрыл глаза, брови нахмурены, на бледном лице еще виднелась тень скрываемой боли.

Се Люй приземлился у края пруда, стоял как дурак, неожиданно почувствовав, как сердце резко сжалось.

— А-Чжи, э-э... ты, ты в порядке?

Мужун Чжи медленно открыл глаза, покачал головой.

— В порядке. Уже... почти прошло. Еще полчаса полежу, и должно полностью восстановиться.

Он поднял из воды одну руку. Тыльная сторона ладони уже не была такой ужасной сине-фиолетовой, остались лишь красные следы и несколько пятнышек крови.

— Прости. Я правда не знал. Раньше же с тобой такого не было! Почему теперь стало настолько серьезно? Всего лишь два-три часа внизу, и как могло так получиться?

Мужун Чжи опустил взгляд, медленно произнес:

— Всегда было так.

— Что ты сказал?

— Всегда было так.

— Как может быть! Невозможно! Раньше же ты явно...

Се Люй внезапно замолчал.

Раньше, когда Мужун Чжи сопровождал его вниз на ночной рынок посмотреть на фонари, каждый раз тоже было так: все тело в синяках и кровоподтеках, невыносимая боль, и после того, как укладывал его спать, тайком приходил лечиться в этот Пруд красных снадобий.

Просто Мужун Чжи никогда не позволял ему узнать об этом.

— А-Чжи, я, я...

Мужун Чжи отвернулся, а его рука была крепко схвачена Се Люем, стоящим на коленях у края пруда. Се Люй прижал его раненую руку к груди, глубоко нахмутив брови, и когда снова посмотрел на Мужун Чжи, в его взгляде уже невозможно было скрыть переполняющую его сердечную боль.

Но Мужун Чжи лишь усмехнулся:

— Что ты делаешь?

— Я, я...

— Я и не знал, что ты так легко растрогиваешься из-за таких пустяков... Похоже, ты даже плакать собрался?

Се Люй растерянно кивнул. Совсем не походил на прежнего насмешника, одновременно не очень понимая, почему сейчас у Мужун Чжи такое холодное и суровое выражение лица.

— А-Чжи, в прошлом... это я, я был неправ перед тобой. Если бы я знал, что ты на самом деле так ко мне относишься, я, я никогда бы...

Рука, прижатая к его груди, была с ненавистью вырвана, на лице Мужун Чжи читалось презрение.

— «Если бы знал, что ты на самом деле так ко мне относишься»? Хе, Се Люй, насколько хорошо я к тебе относился в прошлом, неужели ты действительно не знал? Просто не видел, как я, терпя боль, сопровождал тебя вниз с горы, а ту искреннюю привязанность, которую я тогда к тебе испытывал, все прочие добрые дела для тебя, ты смеешь сказать, что не замечал?

— А-Чжи... я, я... — Се Люй запнулся, на лице жгло.

— Полон лживых слов, я... больше не поверю тебе. Се Люй, до сих пор не нужно играть передо мной спектакль! В те годы ты, не сдержав слова, бросил меня и ушел, теперь не притворяйся передо мной! Даже если будут тысячи причин и объяснений, после того, что было тогда, я больше не попадусь на твою удочку.

— А-Чжи, я понял. Не злись — ты, ты не плачь! Во всем я виноват.

— Не трогай меня! Я не плачу!

— А-Чжи...

— Се Люй! — Мужун Чжи с ненавистью смахнул непрошеные слезы, скрипя зубами, сказал. — Это уже не десять лет назад! Я уже не тот Мужун Чжи, что был тогда! Можешь сколько угодно играть передо мной спектакль, в конце концов я ничего тебе не дам!

— Нет-нет! Я, я на этот раз действительно ничего от тебя не хотел...

— Ты ничего не хотел?! — Мужун Чжи горько усмехнулся, снова закрыв лоб рукой, беспомощно уронив слезы.

...

В ту ночь Се Люй лежал в постели, что было редкостью, ворочаясь с боку на бок.

Посреди ночи Мужун Чжи внезапно проснулся, у кровати деревянно стояла живая душа с подушкой в обнимку.

— Что ты делаешь! — Не издав ни звука, хочешь напугать до смерти!

— Я... не могу уснуть.

Се Люй положил подушку рядом с подушкой Мужун Чжи, а сам тут же естественным образом закатился на кровать.

— Проваливай вон!

— А-Чжи, я правда не могу уснуть~

— Ты не можешь уснуть — какое это имеет отношение ко мне?

— Все из-за того, что на этой твоей снежной горе слишком холодно! Я подумал... если будем спать вместе, будет гораздо теплее.